

«В Ленинграде, где фронт и тыл были неразделимы, сражались все. Ленинград защищали не только пехотинцы, артиллеристы, летчики, моряки, но и рабочие, инженеры, ученые, художники, медики, актеры — люди разных профессий и возрастов, даже дети».

*Михаил Дудин.
Из предисловия к книге А. В. Бурова
«Блокада день за днем»
[Лениздат, 1979]*

Прежде чем ознакомить читателя с воспоминаниями наших ветеранов, чьими трудами был сохранен Музей в годы Великой Отечественной войны, необходимо сказать несколько слов о них самих. Они принадлежат к блестящей плеяде исследователей, пришедших в этнографию в 20—30-е годы. Их учителями были такие признанные авторитеты в области этнографии и смежных с ней дисциплин, как Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, Л.Я. Штернберг, В.Г. Богораз, Д.К. Зеленин, И.И. Зарубин, Б.Н. Вишневецкий и другие. Придя в Институт этнографии АН СССР, молодые исследователи не ограничивались научно-исследовательской деятельностью. Они вели большую музейную работу — участвовали в экспедициях, где собирали новые коллекции, устраивали выставки, создавали научную документацию коллекций, налаживали учетно-хранительскую работу, вели экскурсии и т.д. Недаром многих из них называли «подвижниками-энтужиастами» музейного дела.

Воспоминания наших ветеранов далеко не исчерпывают всех сложностей в поистине самоотверженной работе по сохранению музейных ценностей, которые они преодолевали, как и всего пережитого в те суровые годы. Многого могли бы добавить сотрудники, к сожалению, уже ушедшие из жизни.

Охрана здания и подготовка его как объекта обороны города осуществлялась самими сотрудниками. На набережной перед Музеем появились окопы. Вход в Таможенный переулок был перекрыт надолбами с колючей проволокой. Башня Кунсткамеры должна была служить наблюдательным пунктом и огневой точкой, как и два угловых кабинета первого этажа, куда были доставлены артиллерийские орудия. Только по настоятельной неоднократной просьбе сотрудников Музея по

распоряжению первого секретаря обкома и горкома партии и члена Военного совета Северо-Западного фронта А.А. Жданова огневая точка с башни была снята.

Недавно, после того, как рассекретили архивы [см.: Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1999], был обнаружен подлинник документа, подтверждающий этот факт. Приводим его текст:

№ 21

Письмо И.Н. Винникова

*А.А. Жданову и секретарю Василеостровского
РК ВКП(б) А.А. Шишмареву с протестом против
устройства огневых точек в здании Кунсткамеры*

23 сентября 1941 г.

Распоряжением начальников I и II участков обороны Василеостровского района в здании музея Института этнографии Академии наук СССР (кстати, это здание является одним из немногих сохранившихся древнейших сооружений нашего города; в этом здании были заложены великим Ломоносовым основы русской науки и помещалась прославленная Кунсткамера, учрежденная Петром I) приступлено к оборудованию и установке огневых позиций и точек. При этом позиции и точки устанавливаются в помещениях, в которых хранится огромное количество коллекций, имеющих общегосударственное и мировое значение. Эти коллекции не могут быть перемещены ни в какое другое помещение внутри здания, а самые помещения не могут быть изолированы от других помещений музея, которые, в свою очередь, заняты ценнейшими собраниями. Далее, неизбежное размещение в музее воинской части для обслуживания названных огневых точек нарушит всю систему охраны здания музея и его ценностей и в значительной степени нарушит проводимую научным персоналом музея работу.

Так как музей Института этнографии Академии наук СССР является учреждением, имеющим всесоюзное и об-

ценациональное значение, я считаю своим долгом обратить внимание Военного совета обороны г. Ленинграда на необходимость принятия всех возможных мер для обеспечения сохранности накопленных столетиями ценностей музея.

*Директор Института этнографии
Академии наук СССР
профессор И. Винников*

*Резолюция: «тов. Шишмареву.
Это верно. Жданов»
[ЦГАИПД СПб., ф.24, оп.2-б, д.1057, л.14—14 об.]*

Здание Музея сильно пострадало от артобстрелов. Осколки снарядов повредили крышу, стены и окна. Сотрудникам приходилось постоянно чинить крышу, заделывать окна фанерой. Осколки снарядов залетали в оконные проемы, но надежно укрытые экспонаты почти не пострадали. Значительный ущерб зданию нанесли зажигательные бомбы. Больше всего страдала башня. Дважды на ней возникал пожар. Сотрудники тушили его водой, которую по цепочке в ведрах передавали из проруби в Неве.

Эвакуировать уникальные коллекции Музея не представилось возможным. Ящики с упакованными в них экспонатами были сначала рассредоточены в подвалах, затем по всему первому этажу здания. 125 ящиков с наиболее ценными экспонатами передали на хранение в Эрмитаж. В залах остались музейная мебель, манекены и большие предметы, не поддающиеся разборке, укрытые картоном или фанерой.

Зима 1941/42 года — наиболее тяжелый период блокады Ленинграда. От голода и болезней, вызванных голодом, скончалось 33 сотрудника. Многие умерли в Музее, так как переселились сюда из своих квартир вместе с семьями. Совместная жизнь и работа помогли им выдержать испытания. Они работали над кандидатскими и докторскими диссертациями, обрабатывали коллекционные материалы. Некоторые умирали прямо за письменным столом, как солдаты на поле боя...

За годы войны и блокады Музей потерял почти половину своих сотрудников, которые пали в боях за Родину и умерли от голода. Среди погибших были ученые, опытные музейные работники, успешно сочетавшие музейную и научную работу, а также технический

персонал. Среди них научные сотрудники С.А. Штернберг, Н.П. Дырленкова, А.Б. Пиотровский, А.Н. Генко, Г.Н. Прокофьев, Г.И. Петров, В.В. Екимова, А.Н. Юзефович, В.Е. Краснодарский, А.Н. Кондауров, Е.В. Жиров, заведующий негатекой Е.П. Эмме, библиотекарь Е.М. Кубиш, реставратор О.В. Гущина, научно-технические сотрудники Н.Р. Косинковский и Г.П. Баевич, препараторы В.А. Елкин, А.А. Луконина, вахтер А.В. Козлов.

Летом 1942 года состоялась массовая эвакуация сотрудников Музея. Постоянную вахту при Музее осталась нести небольшая группа научных сотрудников и технического персонала. Благодаря их самоотверженности были спасены уникальные коллекции Кунсткамеры, сохранилось и само здание.

Эвакуировались в 1942 году научные сотрудники С.М. Абрамзон, Е.Э. Бломквист, Н.А. Бутинов, Г.М. Василевич, И.С. Вдовин, И.Н. Винников, Л.Э. Каруновская, В.Е. Краснодарский, Ю.М. Лихтенберг, А.А. Попов, Л.П. Потапов, М.В. Степанова, Н.Н. Степанов, Г.Г. Стратанович, В.Г. Трисман, Т.А. Юзепчук и др.

Остались охранять Музей Уполномоченный от Президиума Академии наук, заведующий Отделом оформления, впоследствии первый директор Музея М.В. Ломоносова Р.И. Каплан-Ингель (1884—1951), старший научный сотрудник К.В. Вяткина (1892—1974), младшие научные сотрудники В.В. Федоров (1892—1976), М.Д. Торэн (1904—1974), В.В. Антропова (1909—1976), заведующая канцелярией А.Н. Калдыкина (1899—1988), комендант Е.А. Максимова, препаратор Н.В. Андросова, вахтеры П.Н. Артамонова, А.Н. Макарова, О.П. Карманова, М.Г. Константинова, рабочие З.И. Каплан, Н.В. Парамонова, дворник М.В. Евстратова.

Вспоминая те суровые и героические дни, нельзя не сказать о сотрудниках Института этнографии, с оружием в руках защищавших нашу страну, наш город, наше культурное достояние. Их было восемнадцать (основной состав сотрудников на 1 января 1941 года — 103 человека), ушедших на войну. По мобилизации ушли в армию заведующий отделом учета и хранения И.Я. Треногов, старшие научно-технические сотрудники Г.А. Гловацкий и И.И. Сазонов, аспирант М.К. Кудрявцев, электромонтер Ю.Н. Смирнович, экскурсовод А.И. Собченко, дворник П.Д. Рыжаков.

Ученый секретарь И.И. Насекин ушел в армию в августе 1941 года. Девять сотрудников Института вступили добровольцами в ряды народного ополчения, в состав Василеостровской дивизии. Созданная в июле 1941 года, она объединила всех добровольцев-мужчин в возрасте от 18 до 50 лет, значительную часть которых составляли научные работники,

преподаватели вузов, студенты. От нашего Музея в нее вошли научные сотрудники Г.Д. Вербов, Н.П. Никульшин, Л.И. Лавров, А.Н. Нечаев, Н.Б. Шнакенбург, аспирант С.Р. Смирнов, помощник директора по АХЧ Ф.Б. Шапиро, служащая Е.К. Иванова. Василеостровская дивизия героически сражалась на подступах к Ленинграду. Особенно тяжелыми были сентябрьские бои, когда враг вплотную подошел к нашему городу. Очень многие ополченцы погибли. Им было приказано стоять насмерть. И они стояли.

К сожалению, нам известны далеко не все военные пути-дороги наших фронтовиков, их судьбы. Они служили в разных составах войск, участвовали в боях на Ленинградском, Волховском, 1-м, 2-м и 3-м Украинских, Белорусском, Дальневосточном и других фронтах, на Балтийском флоте. Разные воинские должности и звания имели они — от рядового солдата и матроса до полковника. Среди них были командиры взводов и рот, политработники, военные топографы, штабные работники. Многие были тяжело ранены и контужены, им довелось тонуть в зимних водах Балтийского моря, принимать вражеский огонь на себя, выходить из окружения. Некоторым пришлось изведать участь военнопленных. Они выдержали все. Но назад вернулись не все. Погибли сибиреведы Г.Д. Вербов (заведующий отделом Сибири), Н.П. Никульшин; японист А.А. Савинич, специалист по финно-угорским народам и народам Индонезии И.М. Лекомцев, специалист по чукчам Н.Б. Шнакенбург, сотрудник Института этнографии по издательской деятельности А.М. Кукулевич, кочегар К.Н. Шакуров, рабочий А.Н. Шакуров, дворник Н.В. Евстратов и другие. Они ушли из жизни, так и не успев проявить все свои творческие возможности, докончить начатые ими дела.

Про Г.Д. Вербова, Н.П. Никульшина, Н.Б. Шнакенбурга можно было сказать: неизвестно, где больше времени проводили они — дома за письменным столом, в Музее или в поле. Как и их старший товарищ Георгий Николаевич Прокофьев, скончавшийся от голода в блокадном Ленинграде, они длительное время жили и работали среди изучаемых ими народов — селькупов, ненцев, эвенков, чукчей, эскимосов и других. Зная их язык, они учили детей, и что самое важное — принимали непосредственное участие в составлении учебных пособий (букварей, грамматик и т.п.). Они собирали этнографические материалы, которые использовали в своих научных трудах, привозили коллекции. И погибли Г.Д. Вербов и Н.П. Никульшин почти в одно и то же время — летом 1942 года под Ленинградом.

Аспирант Сектора Сибири Н.Б. Шнакенбург связал свою судьбу с далекой Чукоткой. По рекомендации профессора В.Г. Богораза он пре-

рвал учебу в университете и поехал на длительную производственную практику. В телеграмме своему учителю он писал: «Уеду в самую глушь к реке Ванкарсма (возможно, Ванкарем. — *Ред.*). Твердо уверен в себе и работе». Перед войной Н.Б. Шнакенбург совершил еще одну поездку к Берингову морю, побывав у малоисследованной группы керекров. С большими научными планами поступил Николай Борисович в аспирантуру нашего Института, но осуществить их не удалось. О его судьбе узнали не сразу: он попал в плен. Фашисты предложили ему, как немцу, сотрудничать с ними, но он отказался и был расстрелян.

В послевоенные годы Институт пополнился новыми сотрудниками, имевшими славную военную биографию. К ним относятся В.В. Гинзбург — полковник медицинской службы; Н.В. Новиков — капитан; К.В. Чистов — партизан, затем рядовой; Л.М. Сабурова — медсестра; К.Д. Лаушкин — капитан; Н.М. Федоров — полковник авиации; А.С. Маторин — младший лейтенант; А.С. Задорожный — капитан; Э.Е. Фрадкин — младший лейтенант; М.М. Крюкова — старшина разведчик; М.Г. Слесарев — старшина 1-й статьи; Н.В. Скрасанов — капитан; М.П. Горбовский — старший сержант; О.А. Вильчевский — подполковник административной службы; В.Д. Карпихин — майор; В. П. Якимов — старший лейтенант; А.П. Рябинкин — старшина. Воевали старший инженер А.П. Смирнов, главный бухгалтер М.И. Клименко, бухгалтер В.В. Алексеева; преподавали в военных училищах директор Музея М.В. Ломоносова Э.П. Карпеев, главный научный сотрудник Б.Н. Путилов, ведущий научный сотрудник Б.П. Полевой.

Многие из них поделились своими воспоминаниями о войне на страницах этой книги.

Пусть простят нас те, чьи имена мы не упомянули.

Большая группа сотрудников нашего Института пережила блокаду в Ленинграде с первого до последнего дня, внося посильный труд в общее дело борьбы за победу.

В разном возрасте застала их война, кто уже работал, а кто еще учился в школе. Но в годы войны, да еще в Ленинграде, не было человека, который бы остался в стороне от общего дела. Недаром наша Победа называется всенародной. Те, кто были постарше, работали на предприятиях города. Так, Т.Г. Конокотина была слесарем-револьверщиком, делала снаряды, М.А. Медведева шила маскировочные костюмы для фронта, М.Е. Золотарева работала на оборонном заводе, Е.А. Елисеева и Е.И. Паршина были телефонистками, Т.И. Ганюшкина была стрелком в рабочем отряде на военном заводе, Р.С. Разумовская — в команде МПВО, Ф.Г. Артемьев служил в военизированной пожарной

охране, Р.А. Ксенофонтова до ухода в армию в 1943 году работала на заводе.

Студенты и выпускники школ после окончания специальных курсов начинали работать в составе медицинских воинских частей, переводчиками, связистами, медсестрами, участвовали в строительстве Дороги жизни, связавшей осажденный Ленинград со всей страной, работали в командах МПВО, на лесозаготовках, в милиции, детских домах, где брали на себя заботу о малолетних детях-сиротах.

Назовем некоторых из них: Л.Л. Викторова — младший лейтенант административной службы, переводчик; О.С. Томановская — младший лейтенант административной службы, переводчик; Ю.В. Кнорозов — рядовой артиллерист (выполнял обязанности вычислителя батареи в Резерве Главного Командования, который бросали на самые горячие точки фронтов); Н.А. Бутинов — электромонтер, затем комендант Музея; Р.В. Кинжалов — политпросветработник прифронтового госпиталя; М.Ф. Глушкова — шофер санитарного транспорта; Г.Г. Шаповалова — санитарка в госпитале; Л.В. Хомич — воспитатель детского дома; Л.И. Баславская — библиотекарь; Л.Г. Нечаева — строитель Дороги жизни; Т.Д. Равдоникас — участник оборонных работ; В.П. Битков — сотрудник команды МПВО; Р.Ф. Гаврилова — рабочая оборонного завода; М.И. Курзенкова и Х.А. Штейн работали на лесозаготовках.

Многие сотрудники Музея в юном возрасте, не бросая учебу в школах или ремесленных училищах, активно участвовали в обороне города. Они дежурили на крышах домов, тушили зажигательные бомбы, помогали командам МПВО в их нелегкой работе, приводили город в порядок, работали на полях. Это Ф.Д. Люшкевич, В.П. Дьяконова, Л.И. Смирнова, Т.К. Шафрановская, С.А. Маретина, Г.Н. Грачева, В.Н. Володина, Л.Л. Левизи, Г.Н. Гоцко, А.И. Мухлинов, Т.А. Попова, К.Б. Серебровская. Награждены Знаком «Жителю блокадного Ленинграда» В.С. Бережнов, Н.М. Гиренко, Э.М. Горелова, А.В. Дульбиш, Н.Н. Иоанесова, Г.У. Михайлова, Т.А. Шрадер, Б.К. Шафранов, Т.К. Федосеева и другие.

О блокадных детях и подростках написано и рассказано немало, хотя далеко еще не все. Ведь у каждого, пережившего то тяжелое время, свои воспоминания, свое восприятие событий. Нередко приходится слышать: «Ну разве ребенок мог запомнить свое блокадное детство?». Представьте себе — мог. Детская память цепкая, в ней удерживаются порой даже мелкие детали, но казавшиеся ребенку значительными. Да и дети в то время выросли и мужали не по годам, научившись понимать и делать то, что совсем не свойственно их возрасту. Многим пришлось шагнуть из детства прямо во взрослую жизнь.

Надо сказать, далеко не все наши сотрудники охотно делятся своими воспоминаниями. И их можно понять. Нелегко, даже в мыслях, еще раз пережить весь тот ужас, когда на твоих глазах рушатся стены родного дома, когда осколки разорвавшегося снаряда убивают близкого человека, когда от голода погибли все твои родственники, а ты, чудом оставшись в живых, вынужден лежать в темной холодной комнате, один среди мертвецов...

Надеюсь, у читателя не сложилось впечатления, что большинство детей оставались в Ленинграде в течение всей блокады. Детей эвакуировали в первую очередь в начале войны. Когда была открыта Дорога жизни через Ладожское озеро, появилась возможность продолжить эвакуацию детей. Надо сказать, что не все родители соглашались на эвакуацию своих детей. Причины были разные. В начале войны одни не верили, что война продлится долго, другие не хотели расставаться с детьми.

Не все дети, оставшиеся в осажденном городе, имели возможность посещать школу. Большинство школ не функционировало. Всю блокаду в Ленинграде действовали около 100 школ. До весны 1942 года к занятиям, начавшимся с опозданием на месяц, а то и больше, были допущены учащиеся начиная с 7-го класса. В суровую зиму 1941/42 года число работающих школ значительно сократилось. Умирали учителя, умирали ученики, некоторые по разным причинам оставались дома, и школы закрывались. В то далекое время дети любили школу, любили своих учителей, поэтому закрытие школы всегда ими остро переживалось, кроме того, оно лишало их и привычной тарелки «блокадного супа», который выдавали без карточек. Для детей эта тарелка супа была большим подспорьем к скудному рациону, а у некоторых — и единственной пищей. Ведь начиная с 12 лет получали «иждивенческую» карточку с минимальной нормой выдачи продуктов. Не намного больше была норма выдачи продуктов и по «детским» карточкам.

Иное положение было в ремесленных училищах и школах ФЗО. Эти учебные заведения пополнялись в основном за счет сирот или детей, родственники которых не могли их прокормить. В училищах готовили кадры для промышленности, главным образом для военной. За годы войны ремесленные училища и школы ФЗО Ленинграда и области выпустили свыше 60 тысяч специалистов для промышленности всей страны. Неоценима помощь учащихся училищ и школ ФЗО и в восстановлении городского хозяйства Ленинграда в послевоенные годы.

Питание в училищах было намного лучше, чем в обычных школах. Как правило, учащиеся получали «рабочие» карточки, где норма выда-

чи продуктов была значительно выше. Иногда сверх нормы им выдавали кое-какие другие продукты. Из наших сотрудников в ремесленном училище обучалась Л.Л. Левизи. Училище находилось при заводе, работавшем на оборону. Ребята, проходившие там практику, изготавливали холодное оружие. Л. Левизи довелось работать токарем и слесарем на военных заводах в других городах, куда впоследствии эвакуировалось училище.

Продолжая учиться, мальчишки и девчонки не стояли в стороне от общего дела, неся на своих плечах порой непосильную ношу. Они дежурили у ворот дома, на крышах, тушили «зажигалки», помогали командам МПВО, работали на огородах, в составе ремонтных бригад, дежурили в госпиталях, выступали в концертных бригадах, а весной 1942 года очищали город от снега и нечистот.

Наш сотрудник А.И. Мухлинов пришел на военный завод, где работали ушедшие на фронт отец и старшие братья, когда ему было 12 лет. Он подставлял под ноги ящик, чтобы дотянуться до своего токарного станка. Другой сотрудник — Ю.В. Маретин — в возрасте 11 лет работал в составе ремонтных бригад, состоявших из таких же, как он, ребят в возрасте 11—14 лет. Они чинили пробойны на крышах домов, ремонтировали сантехнику, производили другие работы, связанные с подготовкой жилых домов города-фронта к зиме. Их работа была отмечена в октябре 1942 года Почетными грамотами райисполкомов. И таких примеров можно привести множество, в чем читатель убедится сам, прочитав рассказы-воспоминания, часть которых взята из блокадных дневников. Александр Фадеев писал: «Дети школьного возраста могут гордиться тем, что они отстояли Ленинград вместе со своими отцами, матерями, старшими братьями и сестрами». За свой самоотверженный труд многие сотрудники нашего Музея удостоены правительственной награды — медали «За оборону Ленинграда». Вот их имена: Л.И. Смирнова, А.И. Мухлинов, Ю.В. Маретин, Г.Н. Гоцко, Ф.Д. Люшкевич, С.А. Маретина, Г.Н. Грачева, Г.Г. Шаповалова, В.Н. Вологодина, В.П. Дьяконова.

В публикуемых воспоминаниях есть много общего. Это неудивительно, ведь у всех защитников города была одна цель, одна задача. Но хочется сказать о другом. Никто не считал, что делал что-то исключительное, героическое. Жизнь воспитала у их поколения чувство долга и ответственности, чувство братства, товарищеского единения в общем деле, что помогло им выжить и выстоять. Потеря той доброжелательной атмосферы в наше непростое время вызывает у поколения, пережившего блокаду, ностальгию по прошедшему. Вот почему прошлое,

несмотря на все тяжести, оставило у них светлую память. Этих людей надо понимать.

И еще. Из простых, бесхитростных воспоминаний звучит гимн Матери, которая, жертвуя многим, уберегала своих детей. Она была всюду — отдавала детям последний кусок хлеба, укрывала своим телом в случае опасности, вызволяла из многих бед, подавала пример гражданского мужества...

Добрым словом отзываются авторы воспоминаний и о властях города, которые, несмотря на суровость времени, всегда находили возможность хоть как-то помочь детям в организации их питания, учебы, культурного развития, медицинской помощи, отдыха. Дети-сироты не были покинуты и не чувствовали себя лишними. Особая роль принадлежала здесь райкомам комсомола. По их направлениям многие подростки были определены в ремесленные училища, малыши — в детские дома.

В 1944 году стали возвращаться эвакуированные сотрудники Института и сразу же включились в восстановительные и ремонтные работы, которые производились в основном собственными силами. За ремонтными работами последовали реставрационные, в том числе и достройка верхней части башни Кунсткамеры. Летом 1945 года в дни празднования 220-летнего юбилея Академии наук, Музей был открыт для обозрения. Первоначально функционировали только четыре тематические выставки, но и они давали представление о богатстве коллекций Кунсткамеры.

Почетное место на одной из выставок заняли материалы, характеризующие деятельность сотрудников во время войны и блокады. Многого сделали для увековечения памяти своих товарищей А.И. Лавров, М.К. Кудрявцев и И.Я. Треногов. В книге использованы также сведения о наших сотрудниках, собранные А.М. Решетовым.

Мы включили в эту книгу не только рассказы, но и отрывки из дневников, письма ветеранов войны и блокады. В связи с тем, что большинство рукописей представляли собой черновики, позволили себе внести некоторую стилистическую и редакторскую правку.

В.Н. Вологодина